

в 1204 г. Автор опирается, главным образом, на свидетельства современных византийских памятников (основным источником служит «История» Никиты Хониата), но привлекает, вместе с тем, известия некоторых латинских историков (Вильгельм Тирский и др.).

В первой главе «Классовая борьба в Византии после смерти Мануила Комнина» (стр. 11—18), посвященной анализу внутривосточной жизни Византии в 80—90-х гг. XII в., внимание автора привлекают, с одной стороны, конфликты, происходившие в верхах византийского общества: борьба за власть между различными группировками внутри господствующего класса, дворцовые заговоры и перевороты в Константинополе, мятежи отдельных магнатов против центрального правительства, многочисленные попытки узурпаторов завладеть константинопольским престолом. С другой стороны, автор — в отличие от многих буржуазных исследователей, ограничивавшихся большей частью изучением только этой узкой, дворцово-политической сферы внутренней истории Византии конца XII в., — пристально интересуется теми «глубинными» откликами, которые вызывала в народе и которыми сопровождалась политическая грызня в верхах. Исследователю удалось в ряде случаев показать, как эти отклики подчас выходили за рамки, в которые старались втиснуть выступления масс представители господствующего класса, домогавшиеся верховной власти и — в расчете получить временное содействие трудовых слоев населения — выдвигавшие демагогические лозунги. Так, рисуя выступления плебса в Константинополе в 1181 г. во время возмущения, поднятого кесариссой Марией (после раскрытия возглавлявшегося ею «заговора двенадцати»), К. Н. Юзбашян хорошо использует сделанное, казалось бы, мимоходом, но, тем не менее, много говорящее наблюдательному исследователю замечание Никиты Хониата о том, что бедняки уничтожали податные списки и громили дома богачей (стр. 16); удачно выявлена автором активность столичной бедноты в момент восшествия на престол Исаака Ангела (стр. 36—37); убедительно обрисовано выступление рыбаков в поддержку мятежа Враны (стр. 39—40); Юзбашян со всей обстоятельностью, допускаемой скудными данными сочинения Никиты Хониата и иных источников, собрал известия, содержащиеся в них, относительно «бунтов» бедноты в Константинополе в 90-х гг., — «бунтов», которые, как справедливо указывается в книжке, возникали порой по самому случайному поводу (см. стр. 46 сл.).

В результате проведенного в первой главе исследования Юзбашян приходит к выводу, что политический кризис, который империя переживала в ближайшие два десятилетия, последовавшие за смертью Мануила Комнина, выражался, во-первых, в постоянных столкновениях различных группировок чиновной знати в Константинополе (с этим связана и неустойчивость центральной власти) и, во-вторых, в ожесточенной классовой борьбе «между низами общества и его эксплуататорской верхушкой» (стр. 66).

В общем и целом этот вывод для первой главы подтверждается исследованным автором материалом.

Можно ли, однако, сказать, что, раскрывая события классовой борьбы «низов общества» против его «эксплуататорской верхушки», Юзбашян идет дальше своего предшественника Э. Франчеса? К сожалению, на этот вопрос приходится ответить скорее отрицательно, чем утвердительно^{8а}.

^{8а} Между прочим, Франчес довольно отчетливо подчеркнул первостепенное значение народных движений в Константинополе не только «непосредственно перед падением столицы», как полагает К. Н. Юзбашян (Ук. соч., стр. 9), но и в 90-х годах XII в.; он указал также на страшный фискальный гнет и злоупотребления бюрократии, как на причину этих движений (E. Francis. Op. cit., p. 22—23).